

ДОКЛАДЫ
ГРУППЫ ВОСТОКОВЕДОВ НА СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

20 марта 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1936 • ЛЕНИНГРАД

А. ЯКУБОВСКИЙ

Восстание Тараби в 1238 г.

(К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии)

Ориенталистам хорошо известно, как богата история феодального общества на Востоке движениями крестьян и ремесленников. Стоит вспомнить только историю халифата. Там буквально нет десятилетия, чтобы в той или иной части Передней Азии не вспыхнуло восстание рабов, крестьян или ремесленников. К сожалению, несмотря на обилие материалов, в буржуазной науке мало отражены эти интересные и важные явления. Даже такие мощные движения, как крестьянские восстания конца VIII и начала IX в. в Иране,¹ восстание зинджей,² карматы³ имеют о себе весьма ограниченную литературу, если подойти к ней с требованиями социального анализа событий. Богата крестьянскими и ремесленными движениями и история феодальной Средней Азии. Однако и здесь мы имеем в литературе только одну работу, а именно известную статью В. В. Бартольда «Народное движение в Самарканде в 1365 г.»,⁴ появление которой в 1906 г. несомненно вызвано событиями революции 1905 г. Мне не известно ни одной серьезной статьи, которая затронула бы вопрос о крестьянских и ремесленных движениях в ранние эпохи в Средней Азии как в целом, так и по частям. Даже о знаменитом движении Муканны, которое огнем крестьянского восстания охватило всю земледельческую Сред-

¹ Имею в виду движения, известные под именами хуремдинов или хурремитов, мухаммира (одетые в красное), сурх-алам (краснознаменщики). Среди них особенно важное значение имеет движение Габек в Арране (816—838 гг.). См. о нем *Encyclopédie de l'Islam*, 9-^{me} Livraison, pp. 557—558. Здесь в статье С. Huart под словом «Babek» указаны арабские источники, правда неполные.

² См. Th. Nöldeke, *Orientalische Skizzen, Ein Sklavenkrieg im Orient*, p. 153—185, а также *Encyclopédie de l'Islām*, Livraison T. Здесь в статье L. Massignon под словом «Zandj» (pp. 1281—1282) дана библиография (правда, неполная).

³ См. *Encyclopédie de l'Islām*, 30-^{me} Livraison под словом «Karmates» статью L. Massignon, pp. 813—818. Здесь указана литература вопроса.

⁴ ЗВО, т. XVII, стр. 01—019.

нюю Азию в конце VIII в., кроме двух страниц в труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»,¹ не имеется почти ничего. А между тем благодаря подробному рассказу Нершахи в его «Истории Бухары»² мы могли бы при помощи других нарративных источников вскрыть многие стороны этой замечательной борьбы, которую так блестяще возглавлял Хашим ибн-Хаким, известный больше под прозвищем Муканны (закрытый покрывалом). Традиции революционной борьбы крестьян в Мавераннахре очень стары. У нас имеются бесспорные данные считать, что остатки разбитых маздакитов направились в Хорасан,³ откуда перебрались в области по Кашка-Дарье и Зарявшану.⁴

Под манихейской оболочкой маздакитов было много как в сельских областях, так и в городах Средней Азии.⁵ Многие из них были в Средней Азии известны и под именем зиндйк. Слово это, как известно, в свое время породило о себе целую литературу. О нем писал В. Розен.⁶ Согласно высказанным в этой литературе взглядам слово «зиндйк» применялось не только к зороастрийцам и манихеям, но и к буддистам. Однако термин зиндик прилагался и к маздакитам.⁷

Интересно, что даже в X в. последователей Муканны, учение которого было несомненно проникнуто маздакитскими идеями, называли зиндйками. Так, по крайней мере, называет их Макдиси (Мукаддеси).⁸ Маздакитские идеи, как известно, в Средней Азии держатся долго⁹ и, как мы увидим ниже, в отраженном виде дошли до XIII в. Популярность в народных массах маздакитского учения не случайна. И дело здесь не в том, что кто-то завез эти идеи, а в том, что в земледельческих оазисах Средней Азии условия социальной жизни были очень близки тому, что имелось в Иране вре-

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, стр. 203—204. Его же английский перевод — *Turkestan down to the mongol invasion*, pp. 198—199.

² Персидский текст в изд. Schefer'a, Paris, 1892 г. стр. 63—74, есть русский перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, под ред. В. В. Бартольда, стр. 84—96.

³ См. Спасет-Намэ Низам-ал-Мулька (стр. 182 в изд. Schefer'a); здесь приводится предание о бегстве жены Маздака в окрестности Рея, где она вела усиленную маздакитскую пропаганду.

⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 44—45.

⁵ Рукопись Туманского Худуд-ал-алем, с введ. и указателем В. В. Бартольда, л. 23-а.

⁶ ЗВО, т. VI, стр. 336—340, т. IX, стр. 290. См. также *Encyclopédie de l'Islām*, Livraison T., статья L. Massignon под словом «Zindik», стр. 1298—1299.

⁷ Китаб-ал-агāнī, т. VIII, стр. 63—64. Хвāрезмī, Мафāтīх-ал-'улūм. стр. 37; здесь определенно говорится, что маздакиты назывались зиндйками; Табари, *Prima Series*, II, стр. 888—889. Здесь Кавād, взявший сторону Маздака, прямо называется зиндйком (стр. 888).

⁸ BGA, III, p. 323. О маздакизме у Муканны говорит Бируни в «Хронологии», см. араб. текст, стр. 21.

⁹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. стр. 45.

мен Кавāда и Хосроя Ануширвана. Только этим можно объяснить ту популярность, с какой маздакитские взгляды были распространены среди последователей Муканны в 70—80 гг. VIII в. Известно, наконец, как долго жили эти идеи в самом Иране. Позволю себе упомянуть о фактах, которые не могут не остановить на себе внимание. В конце VIII и IX вв. в Иране революционные секты, бережно хранящие маздакитские традиции, носят уже иные названия. Они известны под именем хурремдинов,¹ хурремитов,² мухаммира (люди, одетые в красное). Нивам ал-мульк называет их ³سرخ علم (краснознаменщики). Мутаххар-Макдиси,⁴ который хурремдинов называет хурремитами, рассказывает, что они избегают проливать кровь, как и маздакиты, за исключением тех случаев, когда поднимают знамя восстания. Не безинтересен и самый факт употребления красного знамени как символа восстания угнетенных масс. Едва ли это не первый случай в мировой истории в столь раннее время упоминания красного знамени в указанном смысле. История Ирана при Аббасидах и Тахиридах насыщена крестьянскими движениями, особенно в IX в. Они захватывают буквально всю страну и находятся в непрерывной связи с соседними областями. Средняя Азия, особенно Мавераннахр, была неразрывно связана с переднеазиатскими областями и постоянно получала оттуда беглецов-революционеров, которые продолжали пропаганду на новом месте. Обо всех этих фактах я по ходу своей темы могу сказать буквально несколько слов. Не подлежит сомнению, что революционные движения Ирана IX в. явились бы одной из важнейших и интереснейших тем советского востоковедения, тем более, что о них можно было бы набрать достаточно материала, правда, фрагментарно разбросанного в разных источниках. К сожалению, о народных движениях в Средней Азии IX и X вв. у нас очень мало данных. Однако, если мы заглянем в географическую и историческую литературу X в., написанную на арабском и персидском языках, то не раз встретим совершенно точные указания на мятежные настроения народных масс в таких городах, как Мерв, Самарканд, Бухара. Макдиси (Мукадеси) рассказывает, что насе-

¹ См. Siasset Namèh, изд. Schefer'a, персид. текст, стр. 199 и след., франц. перев., стр. 291 и след.

² Motahhar el-Maqdisi, ed. Huart, IV, арабск. текст, стр. 30, франц. перев., стр. 28.

³ О мухаммира см. Абу-Ханифа Динавери, стр. 382 и Табари, III серия, т. I, стр. 493; о сурх-алам см. Siasset Namèh, перс. текст, стр. 199, франц. перевод, стр. 291
در سنه اثنین و ستین و مایه در ایام خلیفه مهدی باطنیان کرکان که ایشان را سرخ علم خوانند
با خرم دینان دست یکی کردند

⁴ Motahhar el-Maqdisi, ed. Huart, IV, арабск. текст, 31.

ление Мерва склонно к волнениям,¹ Ибн-Хаукаль особо подчеркивает мятежность трудящихся масс Самарканда,² а Нершахи упоминает, что знаменитому Исмаилу Самани при вступлении его в Бухару пришлось подавить грозящее широко распространиться крестьянское движение,³ и т. д.

В наши дни не приходится защищать важности поднятой здесь темы. Скорей приходится удивляться тому, что в этой области еще нет нужных работ. Повидимому, исследователей несколько пугает трудность условий изучения этих важных вопросов. А трудности действительно большие. Только очень немногие движения сохранили о себе рассказы с такими подробностями, которые могут пролить свет на их классовое содержание, вскрыть руководящие идеи и дать достаточно материала, чтобы научно восстановить картину того, как эти движения протекали в конкретной исторической обстановке. В большинстве случаев сведения приходится собирать по крупицам в разных источниках. Более того, самые сведения часто носят характер записанных, а то и переписанных из другого источника, преданий. Здесь нужно суметь извлечь зерно исторической истины. Наконец, все рассказы о таких движениях дошли до нас в известиях авторов, которые вышли из слоев, определенно враждебных народным массам. И географы и историки пишут о них, не скрывая своей злобы, не останавливаясь перед клеветой. В этом отношении особенно может быть характерным Нершахи, который при одном упоминании имени Мукадды начинает ругаться, посылает ему проклятия⁴ и т. д. Нечего и говорить, в каком искривленном виде дошли до нас образы вождей этих движений, а также изображение самих событий.

Пожалуй, еще в большие затруднения попадает изучение этих вопросов, когда исследователь ставит себе задачей вскрыть причины движения, определить, к каким целям направлено оно, выяснить результаты его, не говоря уже о попытке точно наметить соотношение классовых сил. Несмотря на то, что внешняя политическая история Средней Азии до XVI в. изучена достаточно подробно, факты социальной жизни нам мало еще известны. До сих пор нет аграрной истории Средней Азии. На данном этапе наших знаний имеется много спорных моментов по вопросу о господствующих тогда формах эксплуатации крестьян. Про-

¹ В. Г. А. III, 311, 336. Макдиси говорит о волнениях в Серахсе (стр. 336) и Несе (стр. 320).

² В. Г. А. II, 367.

³ Нершахи, изд. Schefer'a, перс. текст, стр. 79.

⁴ См. Нершахи, изд. Schefer'a, перс. текст, стр. 64, 65 и след.

водимый автором настоящих строк взгляд о преобладающей форме эксплуатации земледельцев через исполные аренды, повидимому, разделяется далеко не всеми. Причины такой неизученности лежат прежде всего в большой скудости источников IX—XV вв. по вопросу о социально-экономической жизни. К сожалению, о Мавераннахре этого времени мы не имеем пока таких документов, как об Уйгурии XII—XIV вв.

Все вышеизложенное ставит исследователя крестьянских и ремесленных движений в действительно тяжелое положение. Но следует ли из этого, что мы должны оставить эти темы до разрешения кардинальных вопросов социальной истории? Думается, что нет, ибо изучение фактов классовой борьбы будет приближать нас к самым существенным явлениям социально-экономической жизни, помогая разобраться в том, что еще неясно. Да и нет особой беды в том, что при исследовании того или иного движения не будут даны ответы хотя бы даже на очень важные вопросы. Оставленные без ответа сегодня, они получают его в последующих работах. Таков уже ход развития научной мысли. Движение, которому посвящена настоящая статья, еще меньше отражено в востокведческой литературе, чем выступление Муканьи и его последователей. «О восстании Тараби» в работе В. В. Бартольда говорится несколько раз по несколько строчек.¹ Вот наиболее подробное из этих упоминаний, помещенное в *Encyclopédie de l'Islām*, в статье «*Bukhāra*»: «En 636 = 1238 — 1239, la ville fût exposée à des nouveaux périls par un mouvement populaire dirigé contre Mongols aussie bien que contre les classes possédantes; mais le gouverneur Maḥmūd Valawādj, résident à *Khadjend*, réussit, après avoir écrasé l'insurrection, à détourner de la ville la vengeance des vainqueurs. D'après la relation de *Djuwainī*... la seule que nous possédions sur ces évènements, le mouvement ne partit pas cette fois de la classe ouvrière, comme trente ans auparavant, mais de la population campagnarde».²

Вот, собственно говоря, и все, что было написано В. В. Бартольдом об одном из значительных крестьянских восстаний. Нельзя сказать, что В. В. Бартольд прошел мимо этого события в своих занятиях по истории Средней Азии. Стоит взять только II т. D'Ohsson'a «*Histoire des Mongols*» в экземпляре, принадлежавшем лично В. В. Бартольду, посмотреть на неко-

¹ ЗВО, XVII, 03. «Из демократических движений этого периода, пишет В. В. Бартольд, известно только одно — восстание Тараби в Бухаре в 638 г. хид. (1239—1240 н. э.), направленное одинаково против монголов и бухарской знати». Кроме того, см. его же «Историю Туркестана», Ташкент, 1922 г., стр. 34.

² См. *Encyclopédie de l'Islām*, статью В. В. Бартольда под словом «*Bukhāra*», стр. 800.

торые его пометки,¹ чтобы убедиться, что это не так. И тем не менее остается фактом, что он не написал о движении Тараби даже небольшой статьи. В начале XIII в. во многих областях мусульманского Востока происходила борьба крестьян и ремесленников против гнета феодальной эксплуатации. Отмечая этот факт, нельзя пройти мимо одной характерной черты. Почти повсюду, где шла борьба, в ней живейшее участие принимали города. В этом отношении яркими примерами являются близкие по времени движения в трех крупных городах того времени — Рейе, Исфахане и Бухаре. Особенно заслуживающими внимания могут быть признаны события в Рейе. В своей небольшой статье «К истории крестьянских движений»² В. В. Бартольд привел в переводе замечательный отрывок из Якута с описанием города Рейя после происходившей в нем настоящей гражданской войны. Якут, как известно, был в Рейе в 1220 г. накануне захвата города монголами. Рассказ Якута (со слов очевидца) о происходившей там классовой борьбе ведется в выражениях, где употребляемая им социальная терминология требует научной расшифровки. Дело в том, что борющиеся силы выступают у него под религиозной терминологией. Борются ханафиты, шафииты и шииты.³ Но из самого текста ясно, что религиозные термины разлагаются на социальные. За каждым из таких терминов стоят вполне определенные классовые силы. Не останавливаясь подробно на анализе рейских событий, отмечу, что борьба в Рейе происходила сначала между городом и исмаилитскими замками, причем крестьянство вначале, повидному, помогало в борьбе феодалам-исмаилитам. Однако произошел перелом, направление борьбы круто изменилось, в самом Рейе наметился разрыв между феодальными хозяевами города и массой трудящегося населения (ремесленники, чернорабочие и др.) и началась жесточайшая гражданская война. Крестьяне вмешались в эту борьбу и приняли сторону ремесленников. По словам Якута: «И приходили сельские жители, а они ханафиты — к городу с наступательным оружием, и помогали людям своего толка; и не принесло им это никакой пользы, так что их истребили. И эти развалины, которые ты видишь (говорит очевидец Якуту. А. Я.), это кварталы шиитов и ханафитов; и остался этот квартал, известный под [названием] шафиитского, а он — самый малый из кварталов Рейя; и не осталось из шиитов и ханафи-

¹ См. особенно стр. 103 указанного экземпляра (хранится в библиотеке Института востоковедения Академии Наук).

² В. В. Бартольд. «К истории крестьянских движений в Персии». «Из далекого и близкого прошлого». Сборник в честь Н. И. Кареева, 1923 г. стр. 61; Jacut's geograph. Wörterbuch, II, 893.

³ Борьба эта старая: в Серахсе о борьбе между ханифитами и шафиитами рассказывает Макдиси, см. BGA, III, стр. 336.

тов [никого], кроме тех, кто скрывает свое вероисповедание». Едва ли можно сомневаться, что шафитами в городе были крупные феодалы и богатые купцы. Насколько эта борьба была жестока, видно из дальнейших слов Якута, где он как свидетель подчеркивает, что большая часть города была совершенно разрушена, а производящая часть населения должна была уйти из города и временно укрыться в подземных помещениях. Почти одновременно с этим происходила аналогичная, может быть, не столь суровая по своим последствиям борьба и в Исфахане.¹

Уже в своей статье «К истории крестьянских движений в Персии» В. В. Бартольд, обращая внимание на наличность классовой борьбы в Рейе и Исфахане и подчеркивая всю неисследованность и сложность связанных с ней вопросов, писал: «ответ на эти вопросы требует не только особого исследования, но и привлечения нового материала из неизданных и неисследованных источников, каких по истории Персии еще очень много».²

Крестьянские и ремесленные восстания накануне монгольского завоевания имели место не только в Персии. Не менее интересным является и то движение ремесленников, которое произошло в Бухаре в начале XIII в. при садре Мухаммеде ибн-Ахмед ибн-Абд-ал-Азизе. Бухара того времени, как известно, нашла свое освещение в работах В. В. Бартольда и прежде всего в его капитальном «Туркестане».³ За отсутствием нужных сведений по социально-экономической истории этого времени, только очень немного можно прибавить к тому, что дано последним. Классовая борьба в городе развернулась в обстановке, когда политическая власть в Бухарском округе была целиком в руках садров. Илек-ханы фактически не имели над Бухарой никакой власти. Кара-китай, которые собирали в это время дань с Мавераннахра, были далеко, в Бухару они присылали только своих сборщиков податей, да и то не всегда, ибо в начале XIII в. садр сам отвозил дань в ставку кара-китайского гурхана. В известной мере о Бухаре того периода можно говорить как о самостоятельном феодальном княжестве, где вся власть была в руках своеобразной духовной династии. Будучи по своему официальному положению высшими представителями мусульманского духовенства, а по светской линии реисами и хатибами, садры фактически являлись полновластными хозяевами богатейшего и культурнейшего из городов того времени. В руках садров находились несметные богатства, кото-

¹ Jacut's geograph. Wörterbuch, I, 296, а также упомянутая статья В. В. Бартольда, стр. 61.

² Указ. соч., стр. 62.

³ Кроме того, в статье в Encyclopédie de l'Islām, Livraison 13, под словом «Bukhārā» стр. 799—800.

рые складывались из разных источников. Об одном из садров — Омар ибн-Абд-ал-Азизе автор Китаб-и-Мулла-заде рассказывает:¹ «Говорят, что его ежегодные доходы с земельной собственности и других владений выражались в 100 000 динаров».² В эту эпоху динар был еще золотой, и, конечно, цифра в 100 000 ежегодного дохода не может быть нами принята на веру, она явно преувеличена. Однако богатства садров были действительно велики. В. В. Бартольд рядом примеров показал это достаточно убедительно. Повидимому, огромную роль здесь играли собственные поместья садров, о которых, кроме упомянутого выше Мулла-заде, говорят и поэты.³ Большое значение имели и доходы с разнообразных вакфов, которыми так богаты были бухарские мечети и медресе. Можно ли сомневаться в том, что садры были полновластными распорядителями этих огромных средств. Как представители светской власти, в звании рейсов и хатибов, они распоряжались всеми доходами и поступлениями, которые шли с ремесла и торговли, в виде податей и пошлин. Если к этому присоединить разнообразное их имущество, состоящее в недвижимой городской собственности (лавки на базарах, бани, караван-сарай, а то и просто земельные участки), то картина получится достаточно выразительная. Власть и влияние садров, конечно, держались не только на их большом богатстве. Они умели использовать и свое высокое положение фактических вождей господствующего в Бухаре ханифитского толка, а также свой ученый авторитет в среде высшего духовенства Бухары. В их руках было большое количество людей, имеющих то или иное прикосновение к духовенству. Еще В. В. Бартольд в своем «Туркестане» отметил, что на средства садра Бурхан-ад-дин-Мухаммед ибн-Ахмед-ибн-Абд-ал-Азиза жило до 600 факихов.⁴ Одним словом, садры были своеобразными духовными князьями, в руках которых фактически была и вся полнота светской политической власти. Недаром, по словам В. В. Бартольда: «Ces «imams» furent comparés par certaines poètes aux «emirs» de la dynastie Sāmānide et ces «porteurs de turbans» (ahl al-‘amā’im) furent élevés plus haut que les «porteurs de couronnes» (arbāb tidjān)».⁵

Нам хорошо известно, что к концу XII в. садры в широких кругах бухарского населения потеряли и те немногие симпатии, которые, быть

¹ Мулла-заде, рукопись Института востоковедения Академии Наук, В. 676, л. 31 в.

² Выражение *از اسباب* в данном случае лучше всего передать с «земельной собственности и других владений».

³ См. Мухаммед Ауфи. Лубāб-ал-албāб, в изд. Browne, ч. II, стр. 385, строки 15—23. London, 1903. На них впервые обратил внимание В. В. Бартольд. ЗВО, т. XVII, стр. 02.

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 381.

⁵ W. Barthold. Encyclopédie de l'Islām, livraison 13, p. 816, статья под словом «Burhān».

может, и были прежде к некоторым из их представителей. Светский образ жизни, широкие траты на свою личную жизнь, где роскошь сочеталась с кичливостью и спесью, наконец, что самое важное, жестокие формы сборов всяких повинностей с населения как городского, так и сельского не только подорвали их авторитет, но и создали около них атмосферу народной ненависти. Вот почему, когда в Бухаре при вышеупомянутом садре Бурхан-ад-Дин ибн-Мухаммед ибн-Ахмед Абд-ал-Азизе началось восстание ремесленников во главе с Синджаром, то все трудящиеся элементы города их поддержали. Приходится очень жалеть, что источники не оставили нам, хотя бы в общих чертах, сведений, которые дали бы возможность наметить главные этапы восстания. Все, что мы знаем о нем, может быть сведено к следующим фактам. Восстание произошло в самой Бухаре, не захватив, повидимому, окрестных селений, а следовательно и крестьян. Время восстания — 1206—1207 гг. Во главе движения стоял сын продавца щитов (Маджāн-фурӯш), известный со времени захвата им власти в Бухаре под именем Мелик-Синджара. Переворот совершен был силами бухарских ремесленников. Садры были выгнаны из города, имущество их было захвачено, а поместья¹ лишены воды, отчего и пришли в запустение. Убежав к кара-китаям, садры принесли гурхану жалобу на насильственный захват Мелик-Синджаром власти и даже получили диплом на управление Бухарой, однако не могли его реализовать, ибо в последней уже сидели чиновники Хорезмшаха-Мухаммеда. Мелик-Синджар мог продержаться только несколько месяцев, так как Хорезмшах-Мухаммед, узнав о бухарских событиях, быстро двинул свои войска и в 1207 г. взял Бухару.² Судя по рассказу Джувейни (по существу единственный источник) Меликом-Синджаром были проведены какие-то мероприятия против богатых и именитых людей города, т. е. против светских и духовных феодалов, и крупных купцов, связанных с ними. К сожалению, указание Джувейни скупо, и в чем выразились эти мероприятия — мы не знаем, ибо Джувейни ограничился только упоминанием о притеснении почетных людей.³ Повидимому, положение Мелик-Синджара до захвата Бухары Мухаммедом Хорезмшахом было достаточно прочно, если он успел выстроить

¹ Muhammad Auwfi, изд. Browne, ч. II, стр. 385.

² Encyclopédie de l'Islām, Livraison 13, статья В. В. Бартольда под словом «Bukhāra», p. 800 и под словом «Burhān», p. 817.

³ Вот, собственно говоря, наиболее важные строки Джувейни, XVI, 2, p. 74: از احاد الناس که پسر مچان فروشی بود ست سنجر نام مستولی کشته و اهانت و استذلال اصحاب خدمت را از لوازم کار می دانسته و نام او سنجر ملک شده

для себя даже дворец, с которым нам еще придется встретиться при рассказе о движении Тараби.¹

Не следует, однако, преувеличивать демократичность этого восстания. До нас дошли некоторые детали, которые заставляют быть достаточно осторожными в этом вопросе. Прежде всего Синджар, объявивший себя меликом, был не просто ремесленник, а богатый ремесленник по изготовлению щитов, которого Джувейни называет сыном продавца щитов.²

Наконец, что чрезвычайно важно, Мухаммед Хорезмшах при подавлении восстания не казнил Синджара, а увез его к себе в Хорезм в город Ургенч, где низложенный мелик из ремесленников, как еще указал В. В. Бартольд, «жил [он] при дворе султана и наравне с прочими именитыми владетелями должен был принимать участие в придворных церемониях».³ Едва ли будет ошибкой предположить, что руководящими группами движения являлись хозяева ремесленных мастерских, тесно связанные с базарной жизнью города и отчасти с караванной торговлей. Не в их интересах было в корне ломать сложившиеся в эту эпоху порядки, и если вождю движения пришлось прибегать к ряду насильственных мер по отношению к бухарской феодальной знати, то это являлось уступкой в сторону поддерживавших и вынесших движение на своих плечах подмастерьев, не говоря уже о необходимости крупных мер в целях пресечения возможности контрпереворота. Нельзя не принять во внимание и того факта, что крестьяне соседних руставов не приняли участие в движение. К сожалению, все эти важные вопросы не имеют для своего решения нужных сведений в источниках, отчего на данном этапе наших знаний и не приходится выходить за пределы хотя бы и очень вероятных предположений. В рамках последних стоит и самый вопрос о причинах этого движения. Думается, что существо дела лежало здесь в тех огромных пошлинах и податях, которые садрами как правителями Бухары налагались на ремесленную промышленность.

Винной конкретной исторической обстановке протекало имеющее более широкую социальную базу и более глубокую программу движение Тараби.

Спустя 10 с небольшим лет после восстания Мелик-Синджара на востоке произошли события, имевшие мировое значение.

К 1221 г. вся Средняя Азия была во власти монголов. Города дымились горами развалин в результате бесчисленных грабежей и пожаров.

¹ Juwayni, XVI, I, стр. 87, а также В. В. Бартольд, Туркестан, II, стр. 387.

² См. прим. выше *پسر مچان فروشى*.

³ В. В. Бартольд, Туркестан, II, стр. 386—387 со ссылкой на Nessewi, texte, p. 21, trad., p. 38.

Работоспособное городское население частично было убито, а частично (особенно ремесленники) уведено победителями в Семиречье, Уйгурию и Монголию. Ремесла и торговля переживали тяжелые дни. Огромные массы сельского населения (мужчины) были угнаны в действующие монгольские отряды в качестве необходимой подсобной при осадах городов рабочей силы, которую часто заставляли принимать и непосредственное участие в сражениях. Казалось, богатому Мавераннахру суждено испытать судьбу совершенно разрушенного Мерва.

Однако уже первое десятилетие монгольской власти показало другое. Монголам не было смысла уничтожать производственные ресурсы страны, которая могла давать им большие доходы. Отсюда стремление создать благоприятные условия для возрождения экономической жизни Мавераннахра. Возрождение это ни в какой мере, конечно, не рассматривалось как поднятие благосостояния трудящихся масс сельских поселений и городов. Имелось в виду только одно — получение максимальных поступлений в казну монгольской власти. «Возрождение» могло строиться на базе каких-то твердых политических порядков. В течение более чем полустолетия монголы, как известно, не осуществляли непосредственно власти в Мавераннахре. Улус Чагатай, в состав которого формально вошли культурные области по Заравшану и Кашка-дарье, первоначально ограничивался кочевьями в долине реки Или и связанными с ней пастбищ.

Б. Я. Владимирцов в своей книге «Общественный строй монголов» совершенно правильно указал: «Культурные области с оседлым населением, входившие в уделы царевичей, были первоначально подчинены хану-императору, который правил ими через назначенных губернаторов (*darugacin*); царевичи же пользовались только доходами с этих земель, причем не имели права сами производить сбора податей».¹ Слова эти в первую очередь приложимы к Мавераннахру.

Чагатай и его семья фактически не управляли последним. Первые десятилетия монголы собственными силами и не могли бы организовать управления страной со сложной общественно-политической жизнью. Пришлось первоначально идти по линии наименьшего сопротивления. Заинтересованная в получении максимальных поступлений с сельского населения, с городского ремесла и торговли монгольская власть прибегнула к услугам сильного в условиях восточного феодализма купеческо-ростовщического капитала.

¹ Б. Я. Владимирцов. *Общественный строй монголов*, стр. 100.

Известно, что монгольские ханы были в самой тесной связи с целым рядом крупных мусульманских торговых компаний. Об этом у нас много данных.

Не лишенным интереса является следующее указание Рашид-ад-дина, в котором он, говоря об Угэдее, указывает: «Некий человек (уже) очень старый и немощный пришел к его величеству каану и попросил, чтобы тот дал ему в качестве пая в дело двести золотых балишей, тот (каан) приказал, чтобы ему выдали (эти деньги)».¹ Наиболее ранний из персидских историков монгольской эпохи Джузджани особо подчеркивает дружеское отношение монгольских ханов к мусульманам. Говоря о Бату, он считает нужным упомянуть, что «мусульмане Туркестана под тенью его опеки наслаждались большими богатствами и чрезвычайной безопасностью».²

Не подлежит сомнению, что термином «мусульманин» авторы того времени обозначали в первую очередь купцов. К их услугам прибегали прежде всего в делах налаживания финансового управления, что в обстановке восточного феодального государства обозначало организацию взимания разных повинностей с сельского и городского трудящегося населения.

К услугам купеческо-ростовщического капитала прибегнули сразу же монгольские власти и в Средней Азии. В ставке улуса Чагатая большую роль играл в качестве всесильного «министра» Хабаш-Амид, которому Рашид-ад-дин посвятил даже небольшую главу своего труда.³ По словам последнего, Хабаш-Амид был мусульманином, битакчи Чагатая и родом из Отрара.⁴ В данном случае характерно, что к знаниям и «опыту» мусульманина прибегнул даже такой ярый противник ислама, каким был Чагатай. Выше уже указывалось, что первоначально Чагатай и его орда не вмешивались в дела управления Мавераннахром, здесь полновластным хозяином был крупнейший купец и ростовщик Махмуд Ялавач, по происхождению хорезмиец, получивший мандат непосредственно от великого хана. Резиденцией его был город Ходжент, как это, между прочим, видно и из приводимого ниже рассказа Джувейни о восстании Тараби.⁵ Отсюда и управлял Махмуд-Ялавач сначала от имени великого хана, а потом Чагатая, областями Мавераннахра. Особой ломки в самой системе управления Махмуду

¹ Рашид-ад-дин, изд. Blochet, Gibb memorial, XVIII, 2 перс. текст, стр. 65.

² Tabakat-i-Nasiri, 1172.

³ Рашид-ад-дин, изд. Blochet, Gibb memorial, XVIII, 2 перс. текст, стр. 193—197.

⁴ Указ. соч., стр. 197.

О Хабаш-Амиде см. также у Джувейни Gibb memorial, в главе, посвященной Чагатаю (XVI, 1, стр. 226—232).

⁵ Juwayni, Gibb memorial, XVI, 1, стр. 86.

не пришлось производить. Все местные должности, как они были в домонгольскую эпоху, так и остались на первые десятилетия после завоевания. Уже самая передача сбора повинностей и управления в руки мусульманского ростовщического капитала определенно указывает, что между завоевателями и верхушкой феодального общества покоренной страны установился полный контакт.

Представители феодальной аристократии, уцелевшие после бури первых лет завоевания, приспособились к монголам и нашли с ними общий язык, который выражался в том, что, сохраняя свои земли, свою недвижимую собственность в странах, свое авторитетное положение в рядах высшего мусульманского духовенства,¹ они должны были согласиться на то, чтобы огромная часть произведений труда крестьян и ремесленников шла в пользу ханской казны. Едва ли можно сомневаться, что делалось это в большей мере за счет непосредственных производителей, чем уменьшения обычных доходов феодальной аристократии. К сожалению, в источниках, относящихся в Мавераннахру XIII в., не имеется достаточных данных, чтобы представить себе даже в общих чертах схему управления страной, начиная с самой мелкой сельской единицы, кончая центральной властью.

На данном этапе наших знаний приходится довольствоваться фрагментарными сведениями, добавляя к ним известия, касающиеся соседних областей, более всего Ирана, завоеванного войсками Хулагу-хана в конце 50-х годов того же XIII в. И все же, несмотря на фрагментарность материалов, некоторые существенные черты управления страной в первые десятилетия после завоевания выступают достаточно ярко. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что по городам и крупным селениям расставлены были небольшие военные отряды монголов, находящиеся в руках баскаков, подчиненных непосредственно Махмуд-Ялавачу. Наиболее наглядный пример этого мы имеем в рассказе Джувейни о восстании Тараби.² Нельзя обойти молчанием одного характерного момента. Баскаки одновременно являлись и начальниками военных монгольских отрядов и сборщиками повинностей, вернее, организаторами и ответственными лицами за сбор.

По сути дела в конкретной обстановке только-что завоеванной страны они были наиболее нужной для монголов, а следовательно, и наиболее всемогущей властью на местах. Как непосредственно подчиненные Махмуд-

¹ Как видно из приводимого ниже рассказа о восстании Тараби, садры из дома Бурхан-ад-дина сохранили в Бухаре свое влияние и, повидимому, все свои богатства. См. указанное сочинение, стр. 87—89.

² Указ. соч., стр. 86—90.

Ялавачу (среди которых были не только монголы, но и мусульмане), опираясь на свои отряды, имея единственной задачей выкачать из населения как можно больше продуктов и денег, баскаки самым ходом вещей были поставлены в такие условия, когда могли безнаказанно творить самые вопиющие злоупотребления. Иначе и не могло быть при откупной системе сбора повинностей, да и всего управления.

Рашид-ад-дин, который более чем кто-либо другой из авторов XIII—XIV вв. дает нам сведения о системе управления покоренными областями при монголах, особо останавливается на чрезвычайно важных распоряжениях великого хана Мангу (1251—1259), изданных в целях ликвидации ряда злоупотреблений по взиманию всяких поборов с населения. Эти распоряжения в негативном плане вскрывают те порядки, которые наблюдались прежде всего в Средней Азии, ибо в 50-х гг. XIII в., когда изданы были распоряжения Мангу, области Мавераннахра были самыми культурными землями. Ведь не надо забывать, что походы Хулагу в Иран начались только в 1256 г., а Золотая Орда к этому времени не успела еще развернуться в богатое и культурное государство.

Во времена Чингис-хана, Угедей-хана и Куйюк-хана, по словам Рашид-ад-дина, создавалась практика, согласно которой монгольские царевичи и ханши направо и налево раздавали частным лицам (крупным землевладельцам и купцам), а также чиновникам ярлыки и пайцзы,¹ дающие право на получение за счет населения разных служб и повинностей, которые разорительно ложились на трудящиеся массы и тяжело отражались на доходах казны. Мангу-хан приказал все выданные в этом порядке до него ярлыки и пайцзы отменить.² Дальнейшие слова Рашид-ад-дина я позволю привести целиком в переводе с персидского языка, ибо в них каждая строчка ценна для разбираемого нами вопроса. Приказал Мангу-хан: «чтобы впредь царевичи не писали и не давали бы никаких приказов в каком-нибудь деле, которое имело отношение к управлению вилайетами, не запросив мнения наместника ханского величества, чтобы главные ильчи (посланцы-коммисары), когда

¹ Марко Поло, который пользовался пайцзами, дал нам подробное их описание (см. стр. 20 и 114—115 в перев. И. П. Минаева). По его словам: «Написано было там их письмом, чтобы всюду трех послов почитали и служили им как самому владельцу, давали бы лошадей, продовольствие и провожатых. Так и делалось; повсюду в его земле давали им лошадей, продовольствие, выдавалось им все, что им нужно было. По правде сказать, иной раз давали им провожатых от места к месту до двухсот человек» (стр. 20). В Государственном Эрмитаже, в секторе Востока хранится лучшая в мире коллекция серебряных и бронзовых пайцз.

См. о пайцзах также Рашид-ад-дина. Рукопись Института востоковедения Академии Наук, D., 66, л. 421а, в — 422а, в и D'Ohsson IV, стр. 412—416.

² Рашид-ад-дина, изд. Blochet, Gibb memorial, vol. XVII, 2. стр. 310.

они едут от ямы к яму, не брали больше четырнадцати почтовых [лошадей]¹ и чтобы они не забирали у населения животных. Во времена [великого] хана² было договорено, чтобы купцы в областях Моголистана разъезжали на почтовых;³ отвергая это [Мангу-хан] приказал, чтобы торговые люди, которые стараются ради собственной прибыли, ездили бы на собственных животных, ибо какой расчет государству предоставлять им пользоваться почтовыми. Приказал он также, чтобы ильчи без дела ни в какой город или деревню не заезжали и не забирали бы [у населения] фуража и провианта⁴ сверх положенного им. Так как дела насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно были доведены до крайности земледельцы от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами,⁵ так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий [в виде повинностей], то он [Мангу-хан] приказал, чтобы лица простого и благородного происхождения из числа купцов⁶ и деловых людей поступали по отношению к зависящим от них людям снисходительно и сострадательно. Всякий сообразно своему достатку и силе пусть выплачивает без уклонения и отговорки [т. е. немедленно] следуемую с него повинность, за исключением лиц, которые по постановлению ярлыка Чингис-хана и хана [Угэдея] были освобождены от тягот [т. е. повинностей] и поборов, а именно: из мусульман — почетные сейиды, великие шейхи и достойные имамы, из христиан **ارکانات** — высшие духовные чины, монахи и верующие, из идолопоклонников известные священнослужители, а из всех слоев людей [освобождаются] те, которые достигли престарелого возраста и стали слабы для исполнения всякого вида работ. Так как каждый трудящийся не может ежедневно выделять долю [труда своего], то он [Мангу] установил ежегодную подать, согласно которой богатые люди в областях Китая должны выплачивать 15 динаров, что же касается бедных, то один динар; в Мавераннахре — то же число, в Хорасане и Ираке богатые — 7 динаров, а бедные — один; [далее Мангу установил], чтобы чиновники

¹ Здесь приведено слово **اولاغ**, что может обозначать, повидимому, также и мулов и верблюдов (стр. 311).

² Подразумевается Угэдей-хан (стр. 312).

³ Т. е. за счет казны, так как почта была в руках государства и для государственных надобностей.

⁴ Этими двумя словами я перевожу термин **علوفه** (стр. 312).

⁵ Здесь употреблено слово **دهاقين**, арабизированное множественное от **دهقان**. Повидимому, в данном случае мы имеем одно из наиболее ранних упоминаний термина **دهقان** в современном смысле крестьянина.

⁶ Употреблено слово **اورتاق** в значении пайщика в торговом деле, так называли в ту эпоху крупных купцов (стр. 312).

и писцы личных симпатий и подобострастия [к сильным] не проявляли, сердечными связями не руководствовались, подкупов не совершали и взятки не брали. Что же касается подати со скота на пастбищах, называемой купчур,¹ пусть дают с каждого вида скота, с каждой сотни по голове, а если [владелец имеет] меньше ста [голов], то не дает ничего. Остальное имущество, где бы оно ни было, кому бы ни принадлежало, у подданных да не отнимают».²

Вышеприведенные распоряжения Мангу-хана чрезвычайно показательны. Они дают яркую картину того, как много непосильных поборов ложилось на трудящееся население в покоренных монголами областях, в особенности в Мавераннахре. Наиболее тяжело жилось в это время сельскому населению, которое помимо обычных повинностей в пользу своих феодалов и разных платежей в казну должно было содержать еще огромное количество проезжающих с мандатами [пайцзы], выданными представителями и членами династии. Чтобы представить себе в подробностях, что творилось с трудящимся населением в сельских областях и городах при монгольской власти в первые десятилетия после завоевания монголами той или иной страны, следует обратиться к незабываемым по яркости своего изображения страницам знаменитого труда Рашид-ад-дина (Джами'а ат-таварих). Много страниц в томе, отведенном хулагидским государям, посвятил автор подробному описанию порядков управления Ираном тотчас же после завоевания Хулагу, т. е. после конца 50-х гг. XIII в.

Уже D'Ohsson в своей «Histoire des Mongols» привел с некоторыми сокращениями в переводе на французский язык эти замечательные страницы Рашид-ад-дина.³ К ним обращался и В. В. Бартольд, когда писал свою известную работу «Персидская надпись на Анийской мечети Мануче».

Рашид-ад-дин в качестве фактического везира Газан-хана стоял настолько близко к делам управления Ираном, что прекрасно был осведомлен о порядках взимания повинностей с трудящегося населения, как они происходили при нем и в предшествующие три десятилетия. С большим знанием фактов он рисует все злоупотребления, которые творили местные

¹ Термин купчур разобран у В. В. Бартольда в его работе «Персидская надпись на Анийской мечети Мануче», стр. 30 и след. и у M. Quatremère. *Histoire des Mongols de la Perse écrite en Persan par Raschid-el-Din* (Collection orientale) стр. 256 и след. Между прочим на стр. 177—179 указ. соч. имеются интересные примечания по вопросу о пайцзах, а на стр. 179 и след. по вопросу о ярлыках.

² Рашид-ад-дин, в изд. Blochet, *Gibb memorial*, vol. XVIII, 2 стр. 310—314. Место это приведено в труде И. Березина «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» (ТВО, т. VIII, стр. 461—462), опубликованного в 1864 г., однако без точной ссылки на определенную рукопись.

³ D'Ohsson. *Histoire des Mongols*, vol. IV, pp. 370—477, 1835.

власти (баскаки, хакимы, битакчи, шихне и т. д.), находящиеся в полном контакте со всякого рода спекулянтами, ростовщиками и особенно откупщиками. Он рассказывает, как крестьяне и ремесленники, терроризованные военными отрядами, бывали вынуждены вымогательствами разного рода чиновников и сборщиков выплачивать причитающиеся с них повинности (натуральные и денежные) по несколько раз в год. В течение каких-нибудь двух-трех десятилетий такая безудержная хищническая система управления и взимания налогов довела трудящееся население Ирана до полного разорения. Согласно Рашид-ад-дину крестьяне и ремесленники предпочитали скорее бросить свои дома и хозяйство на произвол судьбы, чем выплачивать то, что уплатить фактически не было возможно. И сколько ни прибегали монгольские чиновники к помощи военных отрядов, не всегда им удавалось вернуть к труду обедневшее и бежавшее население. Сколько раз бывало, по словам Рашид-ад-дина, что жители деревни или города забивали двери своих домов камнями, а сами входили и выходили через крышу. Когда какому-нибудь сборщику податей нужно было обойти один из кварталов, он прибегал к помощи имевшегося всегда к его услугам негодяя, который служил проводником. Завидя издали сборщика, жители бросались в поисках убежища и, прыгая с крыши, ломали себе ноги. Если сборщики не могли их поймать, они захватывали их жен и гнали последних, как стадо баранов, из квартала в квартал и приводили к чиновнику, ведающему сбором в округе. Здесь их связанных подвешивали за ноги и так били, что воздух оглашался криками и жалобами.¹

Злоупотребления при взимании податей были настолько велики, что не только разорялись полностью трудящиеся города и деревни, но и казна была часто совершенно пуста, и это понятно, ибо при активном участии ростовщического капитала большая часть поступлений, к тому же полученных в тройном и больше размерах, распределялась между всякого рода чиновниками и спекулянтами. Рашид-ад-дин мастерски описывает, как поставщики разного оружия, провианта и других предметов, нужных монгольскому войску,² в виду отсутствия в казне денег, получали ассигновками (حوالت-ассигновка, براة документ об ассигновке),³ по которым надлежало получить на местах у соответствующих баскаков из не полученных еще каз-

¹ Рашид-ад-дин, рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 406а, пагинация самого переписчика. D'Ohsson, IV, p. 376—377.

² Рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 426b, 427a, b; D'Ohsson, vol. IV, стр. 387—390.

³ См. В. В. Бартольд «Персидская надпись на Анийской мечети Мануче», стр. 26, прим. I.

ной поступлений с той или иной области. Нетрудно представить себе всевозможные комбинации злоупотреблений, которые возникали на этой почве. Поставщики входили с сборщиками податей в разные мошеннические сделки и наживались всеми незаконными способами. Когда впоследствии при Газан-хане (1295—1304) стал резко вопрос о необходимости коренных преобразований в самой системе управления Ираном, чтобы спасти казну от полного разорения, то взоры невольно устремились на основной источник поступлений — крестьян и ремесленников. И тут оказалось, что в большинстве случаев крестьяне не способны вести обработку земли за отсутствием быков и семян.¹ Чрезвычайно тяжело было при монголах и положение ремесленников. Вот в каких выражениях описывает их жизнь И. Плато Карпини, который, как известно, проехал в ставку монгольского хана в 1246, т. е. буквально через 8 лет после восстания Тараби:² «В земле сарацинов и других, пишет он,³ в среде которых они (монголы) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия».

Рашид-ад-дин дает более подробные сведения. Он рассказывает,⁴ что в каждом городе было много ремесленников-оружейников (اوزان), которые выделывали луки, стрелы, колчаны, сабли и другие предметы вооружения. Монгольской властью ремесленники покоренных городов рассматривались как пленные и были на положении зависимых людей. Ремесленники эти должны были поставлять в казну известное число своей продукции, за что и получали определенное содержание.⁵ Не его ли имеет в виду П. Карпини, когда говорит: «каждому (производителю) они (монголы) дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах».⁶ Впоследствии при Газан-хане такой способ эксплуатации ремесленников был признан нерациональным, ибо полагающееся содержание не доходило по назначению,

¹ См. подробности у Рашид-ад-дина. Рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 436 в; D'Ohsson, v. IV, 419.

² Плато Карпини хотя и побывал из областей Средней Азии только в Хорезме и Семиречье, однако хорошо знал положение и других районов.

³ И. П. Карпини и В. Рубрук в переводе А. Малеина, стр. 36.

⁴ Рашид-ад-дин, рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 433 в. На ряду с этим существовали в некоторых городах کارخانه اوزان سلاح; см. также D'Ohsson, vol. IV, 431.

⁵ П. Карпини склонен говорить о них даже как о рабах, см. указ. соч., стр. 36—37.

⁶ Указ. соч., стр. 36.

и продукция ремесла катастрофически падала. Пришлось вернуться к старым порядкам, разрешить бывшие ремесленные организации и пойти на то, чтобы уплачивать за исполнение поставки вооружения по строго фиксированным ценам.¹ Все это относилось, по словам Рашид-ад-дина и к ремесленникам, которые выделывали седла и конскую сбрую.² Вот в самых кратких чертах то положение, в котором находились производители сельского хозяйства и ремесла в XIII в. при монгольской власти в областях Ирана. Мне представляется, мы имеем все основания считать, что многие черты, характеризующие бедственное состояние Ирана в первые десятилетия управления монголами, как они нарисованы Рашид-ад-дином, могут быть перенесены и на Мавераннахр 30-х гг. XIII в. И нет беды в том, что характеристика Ирана, данная знаменитым персидским историком, относится к Ирану 60—90-х гг. того же века, ибо последний по существу только через несколько десятилетий пережил то, что уже для Средней Азии было пройденным этапом. Конечно, события, связанные с монгольским завоеванием, только углубили те противоречия, которые имелись в стране до монголов, и без анализа последних покрыть полностью причины движения нельзя. Остается основной вопрос, в чем были главные формы эксплуатации крестьянина и ремесленника в эту эпоху. Я уже имел возможность высказаться по этому вопросу в своей статье: «Об исполных арендах в Ираке VIII в.». В ней я проводил тот взгляд, что в Средней Азии эта форма эксплуатации играла огромную роль вплоть до новейшего времени. Достаточно внимательно посмотрит на Хидаю, которая составлена Маргиани, т. е. Маргеланцем в XII в.³ Этот труд, имевший такой успех на мусульманском Востоке, пользовался особой популярностью в Средней Азии. И все те главы, которые в нем посвящены ал-музār'а и ал-мусākā, не просто никому ненужные юридические рассуждения, а нормы, отражающие самую реальную действительность.

Мне нет надобности повторять здесь все те факты и мысли, которые я проводил в своей упомянутой статье. Одно хочется подчеркнуть: только учитывая именно эти формы эксплуатации, в которых такую большую роль играет ростовщический капитал, можно будет понять многие замечания источников, особенно Рашид-ад-дина, когда он непрестанно повторяет, что у землевладельцев не было ни семян ни быков для производства

¹ Рашид-ад-дин, рукопись Института востоковедения Академии Наук, D. 66, л. 434а. Газан-хан приказал: که اهل هر خرفه را از اوزان هر شهری با همدیگر ضم کردند, а также D'Ohsson, vol. IV, pp. 432 и сл.

² Там же, Рашид-ад-дин, D. 66, л. 434 в, а также D'Ohsson, vol. IV, 433.

³ Хидаия Комментарии мусульманского права, т. IV, стр. 32—44 и 45—51.

сельскохозяйственных работ. К чему мог привести пресс монгольских налогов, да еще осуществленный руками сборщиков податей, находящихся на службе у ростовщического капитала?

В европейской литературе на восстание Тараби впервые обратил внимание D'Ohsson¹ в своем известном труде «Histoire des Mongols», однако он ограничился только подробным пересказом Джувейни. Ни одним словом он не обмолвился ни о характере движения ни о его причинах. Эти страницы, как и весь труд, носят печать определенного подхода к источнику — дать максимально подробный пересказ, а то и целиком текст по наиболее важным, с точки зрения автора, вопросам исторической жизни. Повидимому, в этом и заключается секрет того, почему его 4-томный труд в течение столетия не потерял значения. Ведь основной его источник — Рашид-ад-дин — до сих пор не только не переведен целиком, но даже целиком не издан. Вслед за D'Ohsson'ом на восстание Тараби 1238 г. обратил внимание Defrémery. В январском номере *Journal Asiatique* за 1852 г. он начал печатать отрывки из Хондемира (автор начала XVI в.) под заглавием «Histoire des Khanes mongols du Turkestan et de la Transoxiane».² В числе выбранных им отрывков находился и рассказ Хондемира о восстании Тараби. Defrémery было ясно, что рассказ Хондемира есть подробный пересказ Джувейни, поэтому через несколько месяцев он опубликовал и первоисточник в том же *Journal Asiatique*. Как отрывки из Хондемира, так и рассказ Джувейни он издал с переводом на французский язык.³ Defrémery не ставил себе никаких иных задач, как опубликование текста и перевода, поэтому в его работе мы не найдем ничего кроме нескольких замечаний по поводу значения некоторых слов. Выше мной уже указывалось, что в русской исторической литературе на восстание Тараби не было обращено достаточного внимания, и В. В. Бартольд в своих работах отвел ему не больше нескольких строчек, хотя есть основания думать, что подробный рассказ Джувейни не раз был им использован по тому или иному поводу. Рассказ Джувейни

¹ D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, pp. 102—108. В пересказе текста Джувейни D'Ohsson сделал ошибку, он вместо имени правителя Махмуд-Ялавача написал имя его сына Масудбека. На это обратил внимание В. В. Бартольд, подчеркнув в лично ему принадлежавшем экземпляре соответствующее место и написав на полях «неверно».

² *Journ. Asiat.*, Quatrième série, t. XIX, стр. 58 и след. 1852.

³ Там же, t. XX, 1852, стр. 376—382 (перс. текст) и 388—399 (франц. перев.).

о восстании Тараби, являющийся первоисточником, настолько ценен своими подробностями, что заслуживает вновь быть изданным, на этот раз в переводе с персидского на русский язык.

«РАССКАЗ О ВОССТАНИИ ТАРАБИ»¹

В течение 636 г. хид. (1238 г. н. э.) в созвездии Рака произошло злополучное сочетание звезд. Звездочеты уже раньше предсказали, что произойдет смута, и возможно, что некий распространитель неверия подымет восстание. В трех фарсах от Бухары находится селение, называемое Тараб. В нем жил некий человек по имени Махмуд, ремесленник по выделке сит. О нем говорили, что в глупости и невежестве он не имел себе равного. Посредством обмана и лицемерия он начал подвижническую и набожную жизнь и стал утверждать свою связь с духами, уверяя, что джинны беседуют с ним и из обители сокровенного сообщают ему сведения. В областях Маверранахра и Туркестана многие люди, по большей части женщины, заявляют о своей связи с духами. Всякий человек, отягченный горем или страдающий недугом, устраивает угощение, приглашает заклинателей духов, и они устраивают плясы. Невежды же и простонародье воспринимают те небылицы и вымыслы за правду. Так как сестра Махмуда по всякому поводу разговаривала с ним об этих бреднях, то он, наконец сам объявил, что нужно сделать, чтобы стать последователями заблуждения. [Люди] к нему устремились, и везде, где был какой-нибудь больной хроническим недугом или просто несчастный, они обращались к Махмуду. Случайно на одном или двух из круга его последователей обнаруживались следы выздоровления. В большинстве случаев приходили к нему из знати и простонародья, «кроме тех, кто пришел к Аллаху с мирным сердцем».² В Бухаре я слышал от людей, чьим словам можно доверять, как они говорили: «В нашем присутствии Махмуд ввел в глаз одному или двум слепым лекарство из собачьего кала, и они выздоровели». Я на это ответил: «Видевшие это сами были слепыми, да и кроме того, исцеление слепых есть чудо Иисуса, сына Марии, а затем сказал же о нем аллах всевышний: «Ты исцелил слепого и прокаженного».³ Если бы я это собственными глазами видел, то занялся бы излечением глаз». — В Бухаре жил некий ученый человек, известный и прославленный за свои качества и происхождение. Прозвище

¹ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 85—90.

² Коран, XXVI, 89.

³ Коран, V, 110.

(лакаб) его было Шемс-ад-дин Махбуби. По причине неприязни, которая была у него к имамам Бухары, он присоединился к безумию того глупца и вошел в число его последователей. Он сказал как-то этому еретiku [Махмуду]: «Мой отец рассказывал и в книге записано, что из бухарского Тараба выйдет правитель, который освободит мир, и описал отличительные признаки его, и эти знаки видимы в тебе». Под влиянием этой мысли безумный еретик совсем возгордился. Эта молва совпала с предсказаниями звездочетов. С каждым днем число последователей [нового учения] увеличивалось, и уже вся Бухара и [окрестные] рустак присоединились к Махмуду. Уже начали обнаруживаться признаки смуты и восстания. Эмиры и баскаки, которые находились [в Бухаре], устроили совещание о мерах к успокоению вспыхнувшей смуты и отправили в Ходжент к правителю Ялавачу гонца с извещением обо всем случившемся. Сами же под видом принесения хвалы и стремления к сближению направились в Тараб и стали уговаривать Махмуда переехать в Бухару, дабы он своим присутствием украсил город и устроил там свою резиденцию, рассчитывая, что, когда он (Махмуд) достигнет моста Вазидана, они неожиданно для него провзят его стрелами. Когда они пустились в путь, Махмуд уже узнал об истинности их намерений.¹ Когда же они приблизились к мосту, Махмуд обратился к Тамша, который был главным из монгольских начальников, и сказал ему: «Откажись от злого умысла, а иначе я прикажу без вмешательства человеческой руки вырвать твои, глядящие на мир, глаза». Услышав эти слова, монголы сказали: «Ясно, что никто не извещал Махмуда о нашем замысле, а между тем слова его находятся в полном соответствии с действительностью. Монголы испугались и не причинили Махмуду никакого зла, так что он свободно достиг Бухары и остановился во дворце Синджара-Мелика. Эмиры, именитые люди города и садры старались оказать ему почести и уважение, а в душе хотели его убить при удобном случае, так как простонародье победило. Квартал и базар, в котором находился Махмуд, были так запружены народом, что кошке невозможно было пройти. Так как людская давка достигла предела, но никто не хотел возвращаться без его благословения, а выходов в проходах не оставалось, да и самого выхода не было, то Махмуд вышел на крышу и стал изливать воду из своего рта. Каждый, кто получал каплю от той воды, возвращался [домой] радостным и улыбающимся. Некий человек из числа последователей Махмуда сообщил ему о замыслах монгольских начальников.² Махмуд тотчас же выехал тайно через одни из город-

¹ Дословно: «Увидел признаки изменения в обстоятельствах того отряда».

² Буквально: «Того отряда».

ских ворот и сел на одну из лошадей, которые были привязаны у ворот. Посторонние люди не знали, кто он и не обратили на него внимания. Одним махом он достиг холма Абу-Хафса, и сразу же собралась около него огромная масса людей. Через некоторое время [в городе] стали искать этого еретика [Махмуда], но не нашли. На поиски его во все стороны поскакали всадники и, наконец, неожиданно обнаружили его на вершине упомянутого холма. Всадники возвратились и оповестили о случившемся. Народ поднял крик, что Ходжа одним взмахом взлетел на холм Абу-Хафса. Сразу же узда правления выпала из рук больших и малых. Большая часть народа направилась в степь, к холму, и собралась около Махмуда. Наступил час вечернего намаза. Махмуд обратился к народу и сказал: «О, защитники истины, чего еще медлить и ждать, необходимо очистить мир от неверных, пусть каждый приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин».

Все мужское население города присоединилось к нему. Тот день была пятница, Махмуд остановился во дворце Раби'а и пригласил к себе садров, вельмож и известных людей города. Глава садров билик дахр, Бурхан-ад-дин, потомок рода доказательства, отпрыск могущественной семьи, дал Махмуду халифскую власть на том основании, что тот не являлся для него неприемлемым как в отношении ума, так и по благородству; он же (глава садров) провозгласил садром Шемс-ад-дин-Махбуби. Большую часть вельмож и людей именитых подверг он оскорблению и обесчестил; некоторых он убил, другая же часть бежала. Простому народу и бродягам он, наоборот, выказал расположение и сказал: «Войско мое состоит из двух частей, одна из потомства Адама, она — видима, другая скрыта и состоит из небесных сил, которые летают по воздуху и толпой джиннов ходят по земле. Теперь я обнаружу эти силы, посмотрите на небо и землю, чтобы иметь доказательство истинности моих слов». Близкие люди и последователи Махмуда посмотрели на небо. «Вот (сказал Махмуд) в таком-то месте такой-то летает в зеленой одежде, а в таком-то — в белом платье». Простой народ подтвердил сказанное. Всякого же, кто говорил: «не вижу», делали видящим при помощи палочных ударов. И еще сказал Махмуд: «бог всевышний послал нам оружие из обители сокровенного». В этот момент со стороны Ширази прибыл некий купец и привез четыре ослиных ноши сабель. После того у простого народа не оставалось никакого сомнения в победе. В ту же пятницу прочитали хутбу султанства на имя Махмуда. Когда намаз был окончен, он послал людей в дома богатых, чтобы они захватили там палатки, шатры и ковры

и устроили военный стан. Чернь и бродяги отправились в дома богатых и принялись грабить их и разорять. Когда наступила ночь, султан уединился с пэриподобными прелестницами и пьянящими сердце красавицами и предался приятному времяпрепровождению. На рассвете он принес из колодца воду для омовения, согласно тому, как сказал поэт: «Всякий раз, как она покидала меня, она приносила мне воду для омовения, как будто мы оба предавались запретному».

Для благословения и удачи воду эту его последователи разделили на мены и дирамсанги и приготовили из нее для больных напитков. Имущество, которое они нагнали, Махмуд раздал тому и другому, выделил долю войску и своим приближенным. Сестра Махмуда, когда увидела чинимые им с женщинами и имуществом злоупотребления, отошла в сторону и сказала: «Дело его, которое осуществилось при моем участии, приняло вредный оборот». Эмиры и садры, которые прочли суру бегства,¹ сошлись в Кермине и собрали всех монголов, которые находились в окрестности, там из всего, что у них имелось, они составили войско и направились к Бухаре. Махмуд с своей стороны приготовился к сражению и вышел навстречу вражескому войску с базарными людьми, одетыми в рубахи и штаны (изар). С двух сторон выстроились ряды войск. Тараби вместе с Махбуби были в первых рядах без оружия и кольчуг. Так как широко распространился слух, что все руки, поднявшиеся против Махмуда, отсохнут, то войско монголов чрезвычайно вяло взялось за оружие — сабли и стрелы. Один из монгольских воинов выпустил стрелу, которая случайно убила Махмуда. Другая такая же стрела настигла Махбуби. Никто не знал об этом случае ни в войске Махмуда ни в войске монголов, а между тем поднялся сильный ветер, налетело столько пыли, что люди перестали видеть друга друга. Враги подумали, что все это чудеса Тараби, настроение у них упало, и они обратились в бегство. Войско Махмуда бросилось за ними в погоню. Население окрестных рустаков вышло из своих деревень, и, забрав с собой лопаты и топоры, присоединилось к последователям Махмуда и всякого, кого удавалось настичь из войска монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватали и раскраивали топором голову. Так, в погоне они дошли до Кермине. Было убито около 10 000 человек. Когда последователи Тараби вернулись в Бухару и не нашли Махмуда, они сказали: «Ходжа сделался невидимым, до его появления пусть два его брата — Мухаммед и Али — займут его место». Эти двое еретиков стали продолжать

¹ Коран, XV, ст. 80.

дело и тактику Тараби. Простой народ и бродяги сделались их последователями и сразу же без удержу принялись за грабеж и разорение. Неделью спустя Ильдыз Нойон и Чекен Курчи пришли с большим монгольским войском. Эти же еретики со своим последователями вышли в степь и выстроились для сражения безоружными.¹ Лишь только началась стрельба, оба заблудшихся брата были убиты. В этом сражении монголы убили около 20 000 чел. На другой день, когда меченосцы утра рассекли границу ночи,² монголы погнали в степь захваченных людей — мужчин и женщин. Монголы уже отточили зубы мщения и разверзли пасть алчности и говорили друг другу: «Еще раз приложим руку к делу, осуществим желание, людей сделаем топливом очага бедствия, а имущество и детей их захватим в качестве добычи».

Божественная доброта и милость божья положили конец смуте благодаря вмешательству сострадания Махмуда,³ каковой поступок был в полном соответствии с его именем, что значит хвалимый, и звезда этого города Бухары вновь стала счастливой. Когда Махмуд Ялавач приехал в Бухару, он воспрепятствовал монголам убивать и грабить. Он сказал: «Как можно убивать столько тысяч людей из-за нескольких преступников и как возможно из-за одного еретика уничтожить город, на который потрачено столько долгих усилий, чтобы он стал цветущим». После уговариваний, стараний и препирательств Махмуд с монгольскими военачальниками порешили на том, что о случившемся доложат великому хану, и то, что будет в его приказе, исполнить. Тотчас же Махмуд отправил послов и так воздействовал на хана, что тот простил вину, которую невозможно было простить, и пощадил жизнь населения Бухары. Итоги этих усилий Махмуда Ялавача стали достойны похвалы и благодарности».

Вышеприведенный рассказ, несмотря на некоторую цветистость речи, явно враждебное отношение к движению и его руководителю Махмуду, а также нескрываемые симпатии к власти, особенно к правителю и откупщику Махмуд Ялавачу, представляет рядом своих деталей несомненную ценность. Несколько слов о ярко выраженной в рассказе классово-враждебной к восстанию точке зрения автора. Для Джувейни, типичного представителя придворно-феодалной историографии, ремесленник Махмуд — обманщик, развратник, который потакает грабительским наклонностям темной массы простонародья. Отсюда, конечно, и исходит совершенно искрив-

¹ Буквально: голые.

² Т. е. на рассвете.

³ Махмуд-Ялавач.

ленное, извращенное изображение самого движения и его руководителей, черта, которая так характерна для всей феодальной историографии, находящейся в руках представителей господствующего класса. Вспомним хотя бы известный рассказ Нершахи о восстании Муканны (Хашима ибн-Хакима) в 70—80-х гг. VIII в. Нершахи с еще большей злобой, чем Джувейни, пишет о восстании народных масс. Свой рассказ он часто снабжает ругательствами и проклятиями по адресу вождя движения Муканны. Такие выражения, как «прах ему в рот»¹ или «проклятие ему»,² — постоянные выпады Нершахи. Однако, как бы враждебно ни относился Джувейни к самому восстанию и его вождю, как бы ни старался снизить его социальный смысл, факты, приводимые им, говорят за себя и с учетом всех поправок дают возможность построить картину развернувшихся событий. Прежде всего нельзя пройти мимо характерной подробности.

Джувейни с презрением и явной недобросовестностью рассказывает о Махмуде как представителе неверия, как о человеке, который утверждает, что он находится в особой связи с духами, а о его последователях — что они устраивают особые угощения и плясы и приглашают на них заклинателей духов, которые, как и сам Махмуд, занимаются разного рода «исцелениями» и что, наконец, во всех этих собраниях особо видную роль играют женщины. Вместе с тем Джувейни подчеркивает, что в начале монгольской эпохи эти факты широко были распространены по всей Средней Азии (Мавераннахр и Туркестан). Из рядов этих сектантов или еретиков и вышли последователи Махмуда, они-то и дали политический актив самому восстанию 1238 г. К сожалению, в нашем распоряжении нет параллельных современных материалов, на основе которых мы могли бы дать анализ самой этой ереси и вскрыть ее содержание. В данном случае приходится исходить из рассказа Джувейни и фактов, относящихся к более раннему времени. Ценность рассказа Джувейни в том, что он, говоря о ереси, тут же вскрывает и ее социальное содержание, правда, всячески стремясь принизить его смысл. Здесь невольно вспоминается руководящее замечание Ф. Энгельса, сказанное им в «Крестьянской войне в Германии». Вот его слова: «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».³ Слова эти сказаны о другой стране, другом времени, но они в данном случае сохраняют всю свою значи-

¹ См. Нершахи, изд. Schefer'a, перс. текст, стр. 64, 65 и дальше.

² Указ. соч., стр. 65 и дальше.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. VIII, стр. 128—129.

мость. Народные массы Средней Азии, особенно земледельческих оазисов по долинам Заравшана, Кашка-Дарье и других рек как крестьяне, так и ремесленники, недовольные всеми общественными порядками своего времени, не могли в ортодоксальном исламе найти для своего протеста идейного оружия. Да и как они могли найти его в нем, когда руководящие представители мусульманского духовенства были крупнейшими феодалами, которые давили на массы не только тяжелым прессом феодальных повинностей, но всем авторитетом ислама, в задачу которого входило прежде всего идейно укреплять основы восточного феодализма. Вспомним только, что в эту эпоху два положения особенно проводились мусульманским духовенством: «царство принадлежит аллаху» и «султан — тень аллаха на земле». Здесь полная аналогия с тем, что происходило в крестьянских движениях на Западе. «Ясно, что при этих условиях, — пишет Ф. Энгельс, — всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять собою одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости».¹

Характерно, что на мусульманском Востоке все революционные движения в сфере идеологической идут под лозунгами той или иной ереси, а то и просто антиисламских учений. Известно, что движение Муканны в конце VIII в. насквозь проникнуто было маздакитскими идеями.²

В XIII в. маздакизм не мог уже питать в старой форме народные массы, — и времена и отношения были уже не те. Однако многое из его идейного багажа сохранилось в сознании масс, и прежде всего его учение о праве проливать кровь в борьбе против угнетения и его идея об общности имущества в типичной примитивной форме, свойственной крестьянским и ремесленным движениям феодального общества. Ремесленник Махмуд и его последователи проповедывали свое «неверие» или «ересь» в самом сердце среднеазиатского ислама, в Бухаре, которая известна была во всем мусульманском мире своими медресе и учеными-богословами.³ Тем понятнее тот факт, что именно здесь образовался идейный центр движения: слишком видна была неразрывная связь бухарского духовенства с феодальной властью, вместе с которой она и составляла господствующие слои феодального общества. Поколение Махмуда прекрасно помнило, какую роль в Бухаре играли

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. VIII, стр. 128.

² См. Бируни, Хронология, араб. текст, стр. 21.

³ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 84—85.

садры, сохранявшие впрочем и при монголах многое из своего прежнего положения.

В «ереси» Махмуда, как она изображена Джувейни, имеются остатки старого язычества, возможно, даже элементы шаманства, однако суть не в них, а в том, что за заклинаниями духов, «исцелениями», угощениями, и плясами видно глубокое социальное недовольство. Махмуд и его последователи не принимают существующих порядков, не хотят мириться с самыми формами феодальной эксплуатации, а не только с теми злоупотреблениями, которые так характерны для первых десятилетий монгольской власти в Средней Азии.

В этом отношении очень характерны два места в рассказе Джувейни. Шемс-ад-дин-Махбуби, выходец из рядов бухарского духовенства, перешедший на сторону Махмуда, сказал ему как-то: «Мой отец мне рассказал, и в книге записано, что из бухарского Тараба выйдет правитель, который освободит мир».¹ В полном соответствии с этими словами выступает Махмуд на большом собрании народа с холма Абу-Хафса, находящегося сейчас же на север от северной стены Бухары.² «О, защитники истины, что еще медлить и ждать, необходимо очистить мир от неверных, пусть каждый приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин».³ Дальнейшие события и мероприятия Махмуда в Бухаре вскрывают со всей полнотой классовую направленность движения.

Восставшие подвергают репрессиям представителей феодальной аристократии — светской и духовной, — налагают руку на все их имущество, которое и делят между собой на основе принципа об общности имуществ. Так по крайней мере разворачиваются события в самой Бухаре.

Джувейни не может спокойно говорить об этой стороне движения. В его сознании это преломляется только как грабеж и грубое насилие, а народные массы становятся чернью и бродягами. Сколько скопилось глухой ненависти у ремесленников и особенно у сельского населения, т. е. у крестьян по отношению к господствующим слоям феодального общества, лучше всего рассказывает то место отрывка, где говорится о разгроме отряда, собранного феодалами и монгольскими чиновниками. «Войско Махмуда бросилось за ними в погоню. Население окрестных рустакв вышло из своих деревень и, забрав с собой лопаты и топоры, присоединилось к последователям Махмуда и всякого, кого удавалось настичь из войска

¹ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI I, стр. 86.

² Указ. соч., стр. 87.

³ Указ. соч., стр. 87.

монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватили и раскраивали топором голову».¹

В рассказе Джувейни нет прямых указаний, на основе которых можно было бы утверждать, что в движении Тараби отражены маздакитские идеи. Однако едва ли народные массы забыли имя и образ Маздака. Величайшее творение феодального Ирана и Мавераннахра — Шахнамэ широко было известно в эту эпоху, особенно среди городского населения, а следовательно большой популярностью пользовался и образ Маздака, которому Фердоуси посвятил немало своих чудесных бейтов (Mohl, VI, 142—154). Да и не могла умереть из десятилетия в десятилетие переходящая традиция лозунгов крестьянско-ремесленных движений, которые в прошлом, как известно, питались маздакитскими идеями.

Рассказ Джувейни дает яркую картину распределения классовых сил движения. Глава движения — ремесленник, ситовщик; главный актив восстания — ремесленники и крестьяне. На это в рассказе имеются прямые указания. Джувейни все время оперирует с термином авамм — простонародье.² Когда наступил момент военного столкновения, то, по словам Джувейни, «Махмуд с своей стороны приготовился к сражению и вышел навстречу вражескому войску с базарными людьми, одетыми в рубахи и изар (штаны)».³ Не подлежит сомнению, что эти «базарные люди»⁴ и есть ремесленники Бухары. Известно, что в восточном феодальном городе кварталы ремесленников и базар неотделимы, так же как неотделимы и люди базара от ремесленников. Выше я уже приводил выдержку из Джувейни, где говорится о том, что к отряду Махмуда Тараби на всем пути от Бухары до Кермине присоединялись крестьяне окрестных рустаков.⁵ Не менее четко с классовой точки зрения комплектуется и лагерь контрвосстания. Здесь мы видим тесное единение представителей феодальной аристократии (светской и духовной) с представителями монгольского командования и баскаками. «Эмиры и баскаки, которые находились [в Бухаре], устроили совещание о мерах успокоения вспыхнувшей смуты. . .»⁶

«Эмиры, именитые люди города и садры старались оказать ему почести и уважение, а в душе хотели убить его при удобном случае».⁶ И, наконец, «Эмиры и садры, которые прочли суру бегства, сошлись в Кермине

¹ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 89.

² Указ. соч., стр. 85 и след.

³ Указ. соч., стр. 89.

⁴ Указ. соч., стр. 89.

⁵ Указ. соч., стр. 86.

⁶ Указ. соч., стр. 87.

и собрали всех монголов, которые находились в окрестности; там из всего, что у них имелось, они составили войско и направились к Бухаре».¹

С большим вниманием Джувейни останавливается и на личности вождя движения. С первых же строк он не скрывает своего враждебного к нему отношения, о чем выше уже вкратце указывалось. Основной мотив всего поведения Махмуда Джувейни видит в том, что он стремится к власти по соображениям личной выгоды. Джувейни готов изобразить его демагогом, который потакает грабительским инстинктам толпы, дабы с помощью ее притти к власти и получить большую долю награбленного добра. Первую же ночь после захвата власти в Бухаре он, по словам Джувейни, предается разврату. «Когда наступила ночь, султан уединился с пэриподобными прелестницами и пьянящими сердце красавицами и предался приятному времяпрепровождению».² Изображает он его и лицемером, обманщиком, не останавливаясь перед тем, чтобы возвести на него всяческую клевету. По словам Джувейни, Махмуд благословляет толпу водой от своего омовения.³ Заодно Джувейни не прочь поиздеваться над восставшим населением и его темнотой. С презрением он рассказывает, что воду от омовения после развратного общения с женщинами Махмуд передал толпе как целящий напиток. «Для благословения и удачи воду эту его последователи разделили на мены и дирамсанги и приготовили из нее для больных напитков».⁴ Однако при всей своей ненависти к классовому врагу он не может пройти мимо ряда фактов, которые целиком разбивают образ Махмуда в том виде, как он хочет его навязать читателю. Джувейни сам передает также детали событий, согласно которым Махмуд выступает как человек фанатически преданный идее освобождения народа от угнетения богачей и правителей. Когда «с двух сторон выстроились ряды войск», то «Тараби вместе с Махбуби были в первых рядах без оружия и кольчуг».⁵ Махмуда скорее можно обвинить в неосторожности, в недостаточной оценке значимости своей личности как вождя движения, ибо в первом же сражении он и погиб как находящийся в переднем ряду восставшего народа. Махмуд не случайный человек в движении. Приводимые Джувейни факты дают право утверждать, что он вполне на высоте революционной политической мысли своего времени. Он — признанный вождь народной массы, умелый агитатор, к голосу которого прислушиваются и авторитету которого безусловно подчиняются.

¹ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 89.

² Указ. соч., стр. 88.

³ Указ. соч., стр. 87.

⁴ Указ. соч., стр. 88.

⁵ Указ. соч., стр. 89.

Лучшим доказательством этого являются две сцены: одна на базаре, когда он с крыши дворца Мелика Синджара говорит с народом,¹ другая — у холма Абу-Хафса, когда он зовет народ к вооруженному восстанию и захвату власти. Здесь народ ловит каждое его слово.² Не только для характеристики его личности, но и степени политической сознательности восставшего народа (ремесленников и крестьян) следует привести примечательный факт. Когда Махмуд в сопровождении большой массы крестьян и ремесленников прибыл из Тараба в Бухару, первое, что он сделал, — отправился во дворец Мелик Синджара.³ Это факт не случайный, дворец Мелика Синджара не просто дворец, а как мы уже видели, дворец, выстроенный Синджаром, сыном продавца щитов, главой ремесленного движения против садров, имевшего место в Бухаре за двадцать один год до восстания Тараби. Синджар, сын продавца щитов, или, как его называли, Мелик-Синджар, успел за короткое время своей власти выстроить дворец. Для восставшего народа и его вождя Махмуда занятие дворца, превращение его в штаб-квартиру восстания есть глубоко продуманный политический шаг, целью которого является подчеркнуть связь с предшествующим освободительным движением. Бухарские ремесленники не забыли своего Синджара, и оставленный им дворец был для них символом народной власти.

Эта, на первый взгляд, маленькая деталь с дворцом проливает свет на вопрос: сильно ли было в Бухаре воспоминание о движении Синджара. О степени политической сознательности (в условиях своего времени, конечно) Махмуда нам рассказывают и другие факты. Махмуд понимал, что народу важно не только захватить власть в свои руки, но и придать его правителю законный характер. Отсюда и идет его стремление добиться от главы духовенства из дома Бурхан-ад-дина передачи ему звания халифа. Джувеини красочно передает,⁴ как после захвата власти в городе в пятничный день Махмуд во дворце Раби'а пригласил к себе садров, «вельмож и известных людей города» и как он заставил главу садров в их присутствии передать ему халифское достоинство. Там же он заставил передать и звание садра своему соратнику Шемс-ад-дин Махбуби. В дальнейшем Махмуд выступает как халиф и султан⁵ по воле восставшего народа и по законно переданной ему через высшего представителя духовенства власти. И только после этого он начинает проводить мероприятия по очищению города Бухары от знати.

¹ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 87.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Указ. соч., стр. 87 и 88.

⁵ Указ. соч., стр. 88.

высшего духовенства, богачей, т. е. прибегает к террору против врагов народа.¹ Махмуд выступает и как умелый стратег, несмотря, как выше указывалось, на личную неосторожность. Самый ход развернувшихся событий, приведших к открытому вооруженному выступлению против феодальных верхов, показывает, как правильно Махмуд поступил, когда сосредоточил свои силы в борьбе за захват власти не в узеньких улицах города, а за городом, имея возможность маневрировать. И действительно, если бы он не начал собирать силы у холма Абу-Хафса, а избрал бы какие-нибудь кварталы Бухары, монгольские военачальники при помощи своих отрядов, хотя бы и небольших, быстро с ним справились бы. Здесь же, к открытому месту могли стекаться (как оно и было на самом деле) не только жители города, но и окрестных селений. Последнее обстоятельство нужно особенно подчеркнуть. Махмуд прекрасно понимал, что его главный резерв — крестьянство соседних с Бухарой рустак. С этой точки зрения военный лагерь у холма Абу-Хафса за пределами города приобретал огромное политическое значение, являясь одним из наиболее удачных моментов движения 1238 г.²

Несмотря на громадные разрушения, произведенные монголами во время взятия Бухары в 1220 г., город быстро оправился и к моменту восстания Махмуда Тараби вновь был одним из крупнейших на феодальном мусульманском Востоке. Правда, мы не имеем описания города, относящегося непосредственно ко времени 1238 г. Однако в нашем распоряжении есть два известия, совершенно независимые друг от друга и относящиеся в общем к середине XIII в. Одно из них исходит от знаменитого путешественника Марко Поло, который, со слов Николая и Матвея Поло, пишет: «Перейдя через пустыню, пришли они в Бухару. Город большой, величавый... Во всей Персии Бухара самый лучший город».³ Если принять во внимание, что братья Поло видали много персидских городов,⁴ то не приходится сомневаться в значительной доле истинности их суждения, тем более, что в самой Бухаре они прожили несколько лет. В. В. Бартольд считает, что они провели там «три года (вероятно, 1262—1265)».⁵ Не менее решительно говорит о Бухаре в этом смысле и Джувейни, который, как известно, составил свой труд в 1260 г. Он особо подчеркивает,⁶ что в его время не

¹ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 88.

² Там же.

³ И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Под ред. В. В. Бартольда, стр. 6.

⁴ Т. е. городов, население которых говорило по-персидски.

⁵ В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир, стр. 105.

• ⁶ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 84—85.

было в странах ислама другого города, который мог бы сравниться с Бухарой по количеству и богатству населения, обилию ученых сил и т. д. Указывает он также, что в это время (при правителе Масудбеке сыне Махмуд Ялавача)¹ в Бухаре было выстроено два замечательных медресе, одно, известное под именем Ханийя, другое — Масудийя, в каждом из которых обучалось ежедневно по 1000 студентов. Оба здания величиной своей и отделкой служили гордостью Бухары. Едва ли можно сомневаться, чтобы Джувейни, сведения которого о Мавераннахре отличаются точностью, дал бы нам значительное преувеличение действительности. Словом, ему приходится верить тем более, что с ними совпадают и впечатления европейцев Поло, которые никакого отношения к историческому труду Джувейни не имеют. Движение Махмуда Тараби, начавшееся в Бухаре и его окрестностях, имело здесь несомненно самую важную в политическом смысле точку Мавераннахра. Захват власти в Бухаре и первые успехи под Кермине, когда монгольский отряд был разбит, а крестьянство массами активно вступало в движение, сулил восстанию большие перспективы. При той напряженной атмосфере, которая была тогда в Мавераннахре, можно было в случае прочных первых успехов ожидать расширения движения по всей долине Заравшана. Однако мы знаем, этого не произошло. Не произошло прежде всего потому, что в первом же сражении были убиты вожди движения Махмуд и Махбуби. Два брата Махмуда Тараби — Мухаммед и Али, при всем своем желании продолжать линию убитого вождя, не оказались на высоте и в ближайшем же крупном сражении погибли. Громадную роль сыграло и то обстоятельство, что масса восставших ремесленников и крестьян не имела ни достаточного вооружения, о чем совершенно определенно рассказывает Джувейни,² ни необходимой военной выучки. Указанные обстоятельства приходится особо подчеркнуть, ибо все остальные условия складывались для движения благоприятно. Имею в виду главным образом полную готовность крестьянства выступить в качестве активно действующей силы. Трагедия с гибелью вождей Махмуда и Махбуби, заминка и растерянность в массах, связанные с потерей руководящей руки, дали возможность господствующему классу и прежде всего монгольскому командованию выиграть время и стянуть большие силы к Бухаре. Спустя какую-нибудь неделю «Ильдыз Нойон и Чекен Курчи пришли с большим монгольским войском».³

¹ Juwayni, Gibb memorial, vol. XVI, I, стр. 84—85.

² Указ. соч., стр. 87, 88, 89, 90.

³ Указ. соч., стр. 89—90.

Силы оказались неравными, в открытом сражении движение Тараби было разгромлено, в Бухаре и его округе началась расправа с восставшим населением. Насилия, убийства, грабежи приняли такие размеры, что правителю Мавераннахра Махмуд Ялавачу пришлось вмешаться, чтобы спасти Бухару от полного разгрома. Джувейни не жалеет красок, чтобы прославить «мудрую» «примирительную» политику всесильного тогда откупщика и правителя. Если слова о примирительной роли Махмуда Ялавача соответствуют действительности, и он на самом деле своим обращением к великому хану Угэдэю спас Бухару от разрушения, то едва ли можно сомневаться в истинных мотивах его поступка. Как откупщик всех повинностей с Мавераннахра он не мог безразлично относиться к сокращению, а то и полному упадку хозяйственной жизни Бухары и ее округи. Ведь монгольский хан не снял бы с Мавераннахра даже небольшой части полагающихся с него повинностей. Разорение Бухары, конечно, отразилось бы на доходах самого Махмуд Ялавача. Дальнейшие репрессии с точки зрения последнего были тем более ненужны, что движение было уже подавлено.

Особо стоит вопрос о последствиях движения Тараби 1238 г. Оказало ли оно влияние на ход политической жизни Мавераннахра и отразилось ли на положении самих крестьян и ремесленников? Смягчились ли в частности творимые злоупотребления при сборе феодальных повинностей с населения? Прямых ответов на эти вопросы в источниках мы не получим.

Однако анализа вышеприведенных указаний Рашид-ад-дина о содержании ярлыков Мангу-хана (1251—1259) уже достаточно, чтобы не только поставить эти вопросы, но и пролить на них некоторый свет.

Прежде всего надо подчеркнуть, что ярлыки эти не могли быть изданы позже 1259 г. (год смерти Мангу-хана), т. е. спустя двадцать лет после восстания Тараби. Скорее следует предположить, что они относятся к началу его правления, т. е. к самой середине XIII в. Основной смысл этих ярлыков, как мы выше видели, сводится к стремлению прекратить все злоупотребления, которые были связаны с сбором разного рода феодальных повинностей как в самом Моголистане, так, особенно, в Мавераннахре. Позволю себе напомнить только одно место: «Так как дела насилия и притеснения достигли высшей степени, причем особенно были доведены до крайности от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами (повинностями) земледельцы, так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий (в виде повинностей), то он (Мангу) приказал, чтобы...»¹

¹ Рашид-ад-дин, в изд. Blochet, Gibb memorial, vol. XVIII, 2, стр. 312.

Нужны были очень серьезные обстоятельства, чтобы феодальная власть в лице монгольского хана заговорила языком «заботы» о положении крестьянства, которой вдруг прониклись ярлыки великого хана. Едва ли приходится сомневаться, что среди этих обстоятельств восстание Тараби сыграло решающую роль. И только ли одно восстание? Повидимому, в Мавераннахре и в других местах протекали движения крестьян и ремесленников: ведь, говорит же Джувейни, что ересь Махмуда¹ была широко распространена по областям Туркестана и Мавераннахра. Из того факта, что источники сохранили нам рассказ об одном движении, не следует, что их больше не было. К сожалению, на данном этапе наших знаний об этой эпохе невозможно ответить на вопрос, повлияло ли восстание Тараби в какой-нибудь мере на смягчение самых форм феодальной эксплуатации крестьян и ремесленников, как они (формы эксплуатации) сложились к началу монгольской эпохи. Имею в данном случае в виду не феодальные повинности в пользу государственной власти, а основные формы эксплуатации трудящихся масс феодалами.

¹ Juwayni, XVI, стр. 85.